

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0485-2026-1-146-157
УДК 81

Поступила: 15.07.2025г.
Сдана на рецензию: 25.07.2025г.
Подписана к печати: 30.11.2025г.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ СТРУКТУРНЫХ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Г.Г. Геворкян

*Российско-Армянский университет
Институт языка НАН РА
gevgayane@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7828-8695*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются структурные модели настоящего времени изъявительного наклонения в армянском языке в их исторической динамике. Исследуется процесс эволюции презенса, глагольные формы которого прослеживаются на различных этапах исторического развития языка. Определяются ключевые стадии формирования форм настоящего времени – от древнеармянского периода до современного состояния в диалектной вариативности. Устанавливается, что развитие форм настоящего времени обусловлено как внутренними грамматическими преобразованиями, так и внешними ареальными факторами. Особое внимание уделяется возникновению аналитических конструкций настоящего времени с использованием инфинитива, частицы *ki*, а также причастных форм с аффиксами *it* и *lis*. В рамках исследования рассматриваются также этимологические аспекты указанных частиц и причастных форм, задействованных в формировании категории настоящего времени. Отмечается, что данные вопросы остаются предметом научной дискуссии в современной лингвистике.

Ключевые слова: армянский язык, настоящее время, историческая грамматика, аналитические формы, этимология.

Введение

Настоящее время изъявительного наклонения занимает особое место в процессе исторической эволюции глагольной системы армянского языка. В устно-разговорных вариантах армянского языка на современном этапе на-

блюдается отсутствие унифицированного выражения грамматического значения настоящего времени: в различных ареалах фиксируются определенные структурные различия. Указанные особенности проявляются как в синтаксической организации предикативных конструкций, так и в морфологическом оформлении глагольных форм. Это обуславливает необходимость комплексного изучения презенса с учетом как внутреннего развития языковой системы, так и влияния внешних ареальных факторов.

В грабарских текстах можно встретить формы настоящего и прошедшего несовершенного, используемые в значении будущего времени. Например, в некоторых молитвенных и литургических текстах Грабара форма настоящего времени служит для выражения будущего действия, что соответствует функциональной многозначности данных форм.

Так, в одном из древних манускриптов встречается конструкция с формой настоящего времени, обозначающей действие, которое должно произойти впоследствии, что подтверждает гипотезу о трансформации значений времен. Данное явление свидетельствует о постепенном разложении исходной глагольной системы Грабара и формировании новых грамматических средств для выражения временных значений, в частности – будущего времени сослагательного наклонения. Эти процессы отражают общие закономерности развития глагольных систем в индоевропейских языках и подтверждают необходимость комплексного анализа эволюции грамматических форм с учетом исторического и диалектного контекстов.

Для всестороннего и корректного истолкования процесса исторических трансформаций глагольных форм презенса в настоящем исследовании применялись комплексный набор методологических подходов. В частности, описательный метод позволил зафиксировать и систематизировать современные и исторические данные, отражающие структурные особенности настоящего времени. Исторический метод обеспечил реконструкцию этапов развития глагольной системы в хронологической последовательности, выявление причинно-следственных связей и закономерностей изменения грамматических форм. Сравнительный метод использовался для сопоставления форм презенса в различных диалектах армянского языка, а также в сравнении с древнеармянскими и современными языковыми материалами, что позволило выявить общие тенденции и региональные особенности. В ходе синхронного анализа основное внимание уделялось описательному, сопоставительному и сравнительному подходам, тогда как при проведении диахронического исследования акцент делался на историческом и сравнительном методах. Такой методологический комплекс обеспечил глубокое понимание динамики развития категории настоящего времени в армянской глагольной системе.

Обсуждение. В Грабаре формы, имеющие в древнеармянском языке презентное и имперфективное значение, помимо основного функционала выражали также ряд других временных значений, в частности будущего значения в рамках сослагательного наклонения. На последующих этапах развития эти формы заняли доминирующее положение в глагольной системе, что привело к постепенному вытеснению исконных форм сослагательного наклонения, уступивших место формам настоящего времени (а также прошедшего несовершенного). Вследствие этого в языке возникла необходимость создания специальных грамматических средств для выражения исключительно настоящего времени. Данные древних рукописей, а также формы инфинитива настоящего и будущего времени, сохранившиеся в современных диалектах, особенно в отрицательных конструкциях настоящего и будущего времени, практически во всех говорах современного армянского языка, позволяют предположить, что на ранних этапах в качестве обще армянской формы, выражающей презентное значение, функционировали инфинитивные конструкции с использованием вспомогательного глагола. В Грабаре в свою очередь было распространено употребление настоящего и прошедшего несовершенного в значении будущего времени. Иначе говоря, формы настоящего и прошедшего несовершенного, помимо значения изъявительного наклонения, что являлось их основной функцией, употреблялись также в значении сослагательного наклонения [1].

Таким образом, можно утверждать, что многозначность форм настоящего и будущего берет свое начало от прошедшего несовершенного. Грабар не имел форм прошедшего времени сослагательного наклонения. Но поскольку само понятие прошедшего в сослагательном наклонении имело место в языке, то оно нашло и формы своего выражения: как таковые выступали временные формы прошедшего несовершенного. Например, глагольные формы типа **kardayi**, помимо исконного смысла “kardum ēi”, приобрели также значения “kardayi, kcardayi, piti kardayi”. Многочисленные примеры подобного употребления можно почерпнуть в рукописях классического периода: “Isk ard ur ē eranut’ivnn jer, vkayem jez, et’ē hmar inc’ ēr, zač’s jer hanēik’ (khanēik’) ev taik’ (ktaik’) inj. Ev zmisn et’e sirt uruk’ ařnoyr (arner) ev utēr (uter) voč’ vna-sēr... Bayc’ t’ē gitēi (gitenayi) t’ē yaism hetē kayc’ē yuxtin imum ev i hnazandut’ēan bareav uxtiv, mecapēs mecaranok’ arjakēi (karjakei) zna xagagut’eamb yivr ašxarhn. Et’ē havatayik’ duk’ Movsisi, havatayik’ (khavatayik’) ardeok’ ev inj” [2].

Употребление изъявительного наклонения в значении желательного в дальнейшем охватило также глагольные формы настоящего времени, и глагол **kardal** имел уже не только значение “kardum em”, но и “kardam, kcardam, piti kardam”. В рукописях многочисленны также примеры употребления настоящего изъяви-

тельного в значении настоящего сослагательного наклонения [3]. Позднее амбивалентное функционирование временных форм настоящего и прошедшего стало настолько распространенным, что сослагательное наклонение как таковое выпало из языка и глагольные формы настоящего и прошедшего несовершенного полностью его заменили. Как следствие утраты сослагательного наклонения в глагольной системе установилась неопределенность и смешение понятий. Одна и та же языковая форма стала выразителем нескольких грамматических значений. Амбивалентность в глагольной системе продолжала существовать и во избежание ее стало употребляться составное настоящее с препозитивным и вспомогательным глаголом.

Известно, что инфинитив в грабаре принадлежал к внешнему склонению на “vo” и в значении предложного падежа использовал винительный с предлогом и. Известно также, что настоящее время изъявительного наклонения выражает понятие пребывания в процессе действия и что таким же свойством обладает предложный падеж. Поэтому препозитивный винительный инфинитива в значении предложного падежа становится выразителем времени. На этот факт обращал еще А. Айтынян. Говоря об образовании отрицательной формы настоящего времени, он отмечает, что оно появляется в XI-XII вв. в следующей модели – **отрицательная форма вспомогательного глагола+предлог+инфинитив**: չեմ ի գրել /č'em i greł/: «С помощью той же формы и того же предлога формируется иногда и утвердительное высказывание» [4].

Эти способы образования настоящего времени в последующие века получили достаточно широкое распространение в армянском языке. рукописные источники свидетельствуют о том, что основными формами выражения настоящего времени в утвердительных предложениях были глагольные конструкции, состоящие из препозитивного инфинитива и вспомогательного глагола. Они предшествовали не только конструкциям настоящего времени с причастными формами, но и конструкциям с частицами.

В эпоху среднеармянского языка, согласно рукописным свидетельствам, отрицательные глагольные формы настоящего времени изъявительного наклонения образовались при помощи инфинитива. Иначе говоря, основным способом образования отрицательных форм спряжения в тот период было сочетание предложного падежа инфинитива и отрицательных форм вспомогательного глагола. Уже сам этот факт указывает на то, что появления других форм настоящего времени, его значение выражалось инфинитивом. «Это настоящее и прошедшее, образованные частицей “ku”, употребляются однако только в положительных формах. С его употреблением утрачивается положительная форма, образуемая сочетанием предлога “i” с инфинитивом, как “em i havatal”, “em i greł”. Эти последние остаются в качестве отрицательных, и возникает следующий тип спряжения: положительное – ku tam, ku tas, ku tay..., отрицательное – č'em i tal, č'es i tal, č'ē i tal» [5].

Кстати, положительные формы, образованные предлогом “i” и инфинитивом, не вышли из употребления (опущен лишь предлог “i”). В армянских диалектах они и по сегодняшний день продолжают употребляться в сфере настоящего (частично и будущего) времени.

Как отмечает А. Абрамян, наиболее ранние случаи употребления отрицательных форм с инфинитивом встречаются у Шапуха Багратуни (Xв.) [6]. Подобные наблюдения проделал также А. Гарибян [7]. Показательно, что А. Гарибян приводит примеры с утраченным предлогом.

Итак, если иметь в виду, что первые свидетельства утвердительных форм настоящего времени, образуемого соположением инфинитива и вспомогательного глагола, восходят к XIIв., а их прототипы наличествуют уже в ранний рукописный период (точно также словосочетания с отрицательными формами встречаются начиная с Xв.), в то время как первые примеры глагольных форм, выраженных сочетанием частицы “ku” и причастных форм с окончанием “um”, встречаются в рукописных текстах начиная с XIIIв., однако можно считать допустимым, что глагольные единицы, состоящие из инфинитива и вспомогательного глагола, были самыми ранними формами нового настоящего. Можно предположить, что настоящее время подобного способа образования было распространено по всему ареалу армянского языка на раннем этапе, когда начинали формироваться фонетические и морфологические особенности современных диалектов, и употреблялось наряду с настоящим временем Грабара. В дальнейшем, параллельно с возникшим в древний период усилением диалектных различий, только настоящее с инфинитивом, как будет видно позднее, сосредоточилось в части восточных диалектов.

Инфинитивное настоящее, идентичное с настоящим Грабара, употребляясь одновременно с ним, породило многозначность. Следовательно, вопрос упорядочения и унификации системы спряжения, и в частности настоящего времени, не мог решиться, и снова возникла проблема различения форм настоящего и будущего. В западных областях исторической территории Армении стало употребляться аффиксальное настоящее, т.е. новые формы настоящего времени образовывались сочетанием частицы **ku** с глагольными формами настоящего времени Грабара. Впервые частица **ku** появляется в письменных источниках в начале XIIIв. Частица **ku**, имея вначале ограниченное употребление, в последующие века получила большое распространение в языке. Новое настоящее время стало широко использоваться в средневековой армянской литературе (XII–XIVвв.). Частица **ku** ставится при глаголах как с инициальной согласной, так и с инициальной гласной. Употребительны также редуцированные фонетические варианты (ke, k) частицы **ku**. Фонетическая редукция частицы **ku** является еще одним свидетельством ее широкого употребления.

А. Айтынян, в результате анализа целого ряда фактов, приходит к следующему заключению: «Частица “ku” появляется в тот момент, когда древнее изъявительное заступает на место сослагательного наклонения и форм будущего. В XIIв. мы впервые встречаем эту частицу ku, однако несомненно, что в тот период она не распространилась внезапно, т.к. потребность в ней пока не возникла» [8].

Р. Ачарян, опираясь на данные Карста, говорит: «Впервые частица “ku” появляется в художественной литературе в XIIв. у Мхитара Гераци наблюдается 2 вида – **կու գայ** (ku gay) и **կու լինի** (ku lini), которые в венецианском издании 1832г., хотя и напечатаны в одно слово (kugay, kulini), но должны быть раздельны на письме» [9]. Как отмечает А. Маркарян: «Эта книга, однако, полон ошибок: действительно здесь помимо форм “ku gay” и “ku lini” имеются такие употребления, как **կասեն** (kasen), **կանեն** (kane), **կուսկարանայ** (kutkaranay), (**կերևանայ** kerevanay), **կու բաշտ** (kukase), **կու մանտրեն** (kumantren), которые не заметит посторонний арменист» [10].

М. Абемян относит ранние употребления приставки *ku* к басням Нерсеса Шнорали: «Уже со времен Нерсеса Шнорали (XIIв.) встречаем действительное настоящее и прошедшее несовершенное, образованные приставкой *ku*, например, в “Баснях” Шнорали: **Քան զծիրանի ծով կու ծիայ** (K'an zcirani cov kucp'ay); **Գարին ի փորն կու աճէ** (Garin i p'orn ku ačē); **Պարան յետևն ի քարէ կու գայ** (Paran yetevn k'aš ku gay); **Անդ կու ճեւիս** ի շուայ քարտէզ (And ku čemi ev č'tay k'artēz)» [11].

Первые исследования, связанные с происхождением частицы **ku** принадлежат А. Айтыняну. Он усматривает два возможных источника возникновения частицы **ku**. Однако, отмечая возможность арабского происхождения этой частицы, А. Айтынян более обоснованным считает вариант возникновения **ku** из соположения слов **kay** и **u** по пути их слияния [12]. А. Айтынян устанавливает, что только глагол **kay** мог служить средством разграничения двух грамматических времен, так как это один из немногочисленных и являвшихся исключением глаголов армянского языка, которые употребляются только в изъявительными, так и сослагательными по своему смыслу, образуются глаголы исключительно изъявительного наклонения.

Р. Ачарян разделял версию А. Айтыняна о происхождении частицы **ku**: «Айтынян дает правильное истолкование происхождения частицы *ku*, которое хотя и отрицается Петерманом, однако принимается теперь всеми солидными арменоведами» [13].

А. Абемян не признает обоснованным истолкование А. Айтыняна и изложил новую точку зрения на происхождения частицы **ku**. Он считает, что **ku** берет свое начало от формы **koy**: М. Абемян предполагает, что частица **koy** возникла в диалектах района озера Ван, либо среди армяно-иранского насе-

ления, так как «в XIX в. в диалектах района озера Ван, а также в армяно-иранских диалектах Хоя, Салмаста появляется слово *ko-aha*. К тому же, как это видно из фольклорных источников этих диалектов, слово “ko” в этих ареалах во много раз более предпочтительно в употреблении, нежели слова *hres*, *hren* в восточных диалектах или слово *aha* в литературном языке» [14].

Г. Джаукян, обращаясь к этому вопросу, пишет: «Основной элемент, образующий настоящее время в восточноармянских диалектах – *ku*, эта форма зафиксирована начиная с XII века: «Если оставить в стороне попытку, связанную с глагольной формой **goy**, которая не имеет под собой сравнительно-исторической почвы, то можно отметить две допустимые гипотезы – Айтыняна, согласно которой **ku** проистекает из сочетания **kay u** и Абеяна, который связывает **ku** со словом – частицей **koу** – из них более достоверной выглядит вторая и вот почему: во-первых, А.Айтынян не принимает во внимание, что в некоторых ареалах **ku** выражает не настоящее время, а утвердительное будущее – факт, который не сопоставим с сочетанием **kay u**; во-вторых, в говоре польских армян (диалект Артиала) и в Басаргечаре **ku** соответствует форма **ki**, которую нельзя считать фонетически производной от **kay u** или от **ku**, но можно от **koу**» [15].

Исследуя генезис **ku**, необходимо иметь в виду, что на обширном ареале армянского языка частицы, образующие настоящее время изъявительного наклонения, не могли восходить к одной проформе. Справедливо высказывается по этому поводу А. Хачатрян: «Признание ветви **kə**, отходящей от ветви **ka**, дает основание предполагать, что они на раннем этапе были неодинаковы. В пользу этого предположения говорит тот факт, что начальная форма **kə** не могла восходить к форме *ku* (как предполагали Айтынян, Ачарян и др.), а форма *ka* – могла. Дело в том, что в сочетании **kay u** подударным является корневой гласный *a*, а не союз *u*, и, следовательно, должен был редуцироваться безударный *u*, а не *a*. Поэтому производной от формы *kay u* могла быть только форма *ka*, но не *ku*; более обоснованным является истолкование генезиса *ku* (от формы *koу*), данное Абеяном» [16].

Таким образом, гипотезу М. Абеяна следует считать достоверной в вопросе генезиса частицы *ku*, а А. Айтыняна – в вопросе о происхождении частицы *ka*.

В обширном ареале образовалась еще одна форма выражения настоящего времени- окончание **um** причастной формы глагола в сочетании со вспомогательным глаголом. По мнению Р. Ачаряна в этой диалектной среде предварительно преобладал морфологический формообразующий аффиксальный тип. «В любом языке настоящее время может выступать в значении будущего. Однако во всех тех языках, где настоящее употребляется в значении будущего, есть специальная форма будущего времени. После падения будущего времени в габаре,

средневековый армянский язык остался без формы будущего времени. Для заполнения образовавшейся лакуны необходимо было создать специальную форму будущего времени, либо образовать новое настоящее. К первому способу обратились носители западно-армянского языка, которые создали будущее время с помощью формы модального глагола **piti**, а для настоящего сохранили форму с **kə**. Носители восточных говоров армянского языка обратились ко второму способу: для настоящего создали форму **um**, сохранив форму **kə** для будущего времени» [17].

Этот факт подтверждает, во-первых, что глагольные формы с частицей **ku** (**kə**) и сегодня функционируют в определенном ареале, в качестве форм будущего времени условного наклонения и, во-вторых, что встречаются диалекты, в которых параллельно с формой настоящего времени на – **um** функционирует форма настоящего времени, образованная частицей **kə**. Известны также параллельные образования настоящего времени с **um** и **kə** в тбилисском диалекте.

Первые употребления неличной формы глагола с морфемой **um** относят в арменистике к XII в. и в качестве самого древнего его свидетельства приводят следующие два примера: “Արա տ’ե հիվանդին տ’տիրն mašum lini”, “Asac’I t’ē ...zinč’ k’ristoneay kay ev ark’ayunk’ nd cove v nd c’amak’ amenu sirtn het k’ez law en, ev k’ez aĵotk’ en aġnum” [18].

Исследованием вопроса происхождения причастной формы с суффиксом **um** впервые занялся А. Айтынян. Он пишет: «Глаголообразующая частица **um** та же, что в предложном падеже системы склонения областных диалектов: **u xosum em, lsum a, č’em ērvum**, также близки настоящему и прошедшему несовершенному, как скрытый предложный падеж грабара – **i xosel em, yač’el ēr, i caĵkel ēr, i linel ē, č’ēn yayrel** (**xoselu het em, acelu, caĵkelu vray ēr...**)» [19].

В дальнейшем большинство лингвистов приняло эту точку зрения, с некоторыми и комментариями. По мнению Р. Ачаряна частица **um** «представляет собой древнюю частицу, образующую предложный падеж грабара» [20]. М. Абегян считает, что частица **um** присоединилась не к основе глагола, а к инфинитиву, а форма **aġnum em** встреченная в XIII в., в диалектах появилась значительно позднее, так как для того, чтобы **arġelum** привратилось в **aġnum**, потребовалось длительное время» [21].

Г. Джаукян в основном поддерживает традиционную точку зрения на происхождение причастной формы несовершенного вида с формантом **um**. Вместе с тем, по его мнению «трудно согласиться с тем положением, что несовершенная форма является предложным инфинитива: не понятно, каким образом предложный падеж неопределенной формы превратился в форму несовершенного вида. Нам представляется более достоверным следующее

предположение: первоначально формант – *um* присоединялся к таким существительным, которые были одновременно и основами глаголов (ср. *gorcum em*: 1. *Gorc mej em*, 2. *Gorc em anum*), а затем по аналогии этот процесс распространился и на другие формы» [22].

По нашему мнению, на сегодняшний день можно считать доказанным принятое в арменистике традиционное объяснение этого факта: окончание *um* несовершенной причастной формы связано с предложным падежом. Только один вопрос может вызвать споры. Это вопрос о том, к чему присоединялось окончание *um* – к инфинитиву или к основе спрягаемого глагола. Не исключается, что согласно ареальным вариантам причастная форма на *um* возникла от разных форм. Иначе говоря, в некоторых ареалах оно прибавлялось к инфинитиву, а в других – к основе глагола. Свидетельством того, что в ряде говоров частица **um** присоединялась к инфинитиву, является форма настоящего времени в диалекте Ареша (*greləm im*), а также значительная часть сохранившихся в говорах ветви *Um* форм типа *galu em*, *lalu em*, *talu em*. Формированию окончательного вывода по этому вопросу мешает следующее обстоятельство. Ни в одном из говоров армянского языка не сохранилось звено фонетического перехода типа *sirelum sirum* (в отличие от цепочки *grelis, gres, greu*, все средние звенья которой принадлежат различным говорам).

В ряде мест восточноармянского ареала (Урмия, Акулис, Мегри, Карчеван, Карадаг, частично Хой-Салмаст) создалась новая форма выражающая настоящее время, осложненная причастной формой на *lis*, а конструкции с инфинитивом функционировали для выражения временного значения условного наклонения, например: *mənalis əm* (**настоящее**) – *mənal əm* (**условное**).

Необходимо отметить при этом, что конструкции с инфинитивом в условном наклонении свойственны только тем диалектам, которые в парадигме настоящего времени имеют причастную форму, образуемую морфемой – *lis*, и то не повсеместно. По всей вероятности, в дальнейшем часть вышеуказанных диалектов под влиянием будущего условного наклонения, образованного получившей широкое распространение частицей *kə*, освоила форму с *kə* для всего условного наклонения, а конструкция с причастной формой несовершенного вида сохранилась только в нескольких диалектах: Акулис, Мегри, Карчеван, Ареш, Крзен: *aprēl əm*, *aprēl əs*, *aprēl i*, *aprēl ank'*, *aprēl ak'*, *aprēl a*.

Р. Ачарян считает, что причастные формы с окончанием – **lis** восходят к локативу форм типа *lalik'*... от локатива **i lalis em** порождается глагол **lalis em** “*lac' em linum*” (“плачу”) [23]. В среднеармянский период, у многочисленных слов армянского языка, в том числе и в особенности, у топонимов их постпозитивный винительный = предложный перешел в именительный (с окончанием *-is*)... такая трактовка формы – *lis* кажется громоздкой с первого взгляда,

но интерпретация трех предыдущих форм – настоящего времени изъявительного наклонения как локативов, показывает, что здесь мы имеем дело с формой локатива.

Г. Джаукян объясняет происхождение указанных причастных форм следующим образом: «Сравнительное исследование диалектов показывает, что исторические данные дают основание для объединения ветвей “L” и “S” – с одной стороны, средние ступени (lis, yis, ys, u) указывают на существование в “S” – диалектах начальной формы lis, с другой стороны, отрицательные, а иногда и положительные формы на li в “S” – диалектах дают возможность предполагать наличие начальной формы lis. ... наличие формы lus наряду с lis (Кохб, Гяргяр, Галача, Аштарак) показывает, что lis хотя бы отчасти, восходит к форме loys (ср., в кохбском – loys>lis и ert’aloys>ert’alis)» [24]. Причастную форму на **lis**, так же, как и другие причастные формы настоящего времени изъявительного наклонения, связывают с локативом.

Заключение

Частое употребление в древнеармянском языке временных форм презенса и имперфекта (аориста) в значении сослагательного наклонения со временем привело к необходимости формирования специальных грамматических средств, способных выражать исконное значение настоящего времени. На первоначальном этапе с этой целью начали использоваться аналитические конструкции, включающие инфинитив с предлогом и вспомогательным глаголом. Однако подобные составные формы в течение длительного периода не смогли окончательно вытеснить презентные формы Грабара и фактически функционировали параллельно с ними. Впоследствии в результате языковой эволюции инфинитивные конструкции презенса утвердились лишь в части устных вариантов армянского языка, в то время как в других ареалах на смену древнему презенсу пришла новая форма настоящего времени, образованная с помощью частицы **ku**. В дальнейшем в системе настоящего времени закрепилась многозначность: конструкции с **ku** начали выражать не только значение настоящего времени, но и значение будущего. В западноармянском литературном языке и большинстве западноармянских диалектов данная многозначность сохраняется до настоящего времени, что привело к отсутствию четко обособленных форм для выражения исключительно настоящего времени. С целью устранения многозначности и дифференциации грамматических значений ареальные разновидности армянского языка в дальнейшем обратились к созданию новых форм. Так, инфинитивные конструкции с окончаниями **-um** или **-lis**, в сочетании со вспомогательным глаголом, стали употребляться для выражения настоящего времени, оставив формы с **kə** только для выражения условного наклонения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. С. 74.
2. Историческая грамматика армянского языка. Ер., 1975. СС. 167–168.
3. Там же. С. 168.
4. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. С. 87.
5. *Абемян М.Х.* Теория армянского языка. Труды. Т.6. Ер., 1974. С. 255.
6. *Абрамян А.А.* Причастные формы армянского языка и их морфологическое значение. Ер., 1953. С. 241.
7. *Гарибян А.С.* Армянская диалектология. Ер., 1953. С. 166.
8. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. СС. 75–76.
9. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 1. Ер., 1959. С. 389.
10. *Маркарян А.С.* Составные глаголы армянского языка. Ер., 1961. С. 375.
11. *Абемян М.Х.* Теория армянского языка. Труды. Т.6. Ер., 1974. С. 255.
12. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. СС. 76–77.
13. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 1. Ер., 1959. С. 393.
14. *Абемян М.Х.* Теория армянского языка, Труды. Т.6. С. 261.
15. *Джаукян Г.Б.* Введение в армянскую диалектологию. Ер., 1972. С. 104.
16. Армянский диалектологический атлас. Ер., 1982. С. 47.
17. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 2. Ер., 1961. С. 173.
18. *Абрамян А.А.* Причастные формы армянского языка и их морфологическое значение. Ер., 1953. С. 81.
19. *Айтынян А.* Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского языка. Вена, 1866. С. 203.
20. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 2. Ер., 1959. С. 175.
21. *Абемян М.Х.* Теория армянского языка. Труды. Т.6. Ер., 1974. С. 254.
22. *Джаукян Г.Б.* Развитие и структура армянского языка, Ер., 1969. СС. 47–48.
23. *Ачарян Р.А.* Полная грамматика армянского языка в сравнении с 562 языками. Т. 4, ч. 1. Ер., 1959. С. 176.
24. *Джаукян Г.Б.* Введение в армянскую диалектологию. Ер., 1969. С. 106.

REFERENCES

1. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language, Vienna, 1866. P. 74.
2. Historical Grammar of the Armenian Language, Yer., 1975. PP. 167–168.
3. Ibid. P. 168.
4. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language, Vienna, 1866. P. 87.
5. *Abegyan M.Kh.* Theory of the Armenian Language, Works. Vol. 6, Yer., 1974. P. 255.

6. *Abramyan A.A.* Participle Forms of the Armenian Language and Their Morphological Meaning, Yer., 1953. P. 241.
7. *Gharibyan A.S.* Armenian Dialectology, Yer., 1953. P. 166.
8. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language. Vienna, 1866. PP. 75–76.
9. *Acharyan R.* Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages, vol. 4, part 1, Yer., 1959. P. 389.
10. *Markaryan A.* Compound Verbs in the Armenian Language, Yer., 1961. P. 375.
11. *Abegyan M.* Theory of the Armenian Language // Works. Vol. 6. Yer., 1974. P. 255.
12. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language. Vienna, 1866. PP. 76–77.
13. *Acharyan R.*, Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages, vol. 4, part 1, Yer., 1959. P. 393.
14. *Abegyan M.Kh.* Theory of the Armenian Language, Works, vol. 6. Yer., 1974. P. 261.
15. *Jahukyan G.B.* Introduction to Armenian Dialectology, Yer., 1972. P. 104.
16. Armenian Dialectological Atlas, Yer., 1982. P. 47.
17. *Acharyan R.A.* Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages, vol. 4, part 2, Yer., 1961. P. 173.
18. *Abramyan A.* Participle Forms of the Armenian Language and Their Morphological Meaning, p. 81.
19. *Aytinyan A.* Critical Grammar of Ashkharhabar or Modern Armenian Language. Vienna, 1866. P. 203.
20. *Acharyan R.* Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages. Vol. 4, part 2. Yer., 1961. P. 175.
21. *Abegyan M.* Theory of the Armenian Language, Works. Vol. 6. Yer., 1974. P. 254.
22. *Jahukyan G.* Development and Structure of the Armenian Language, Yer., 1969. PP. 47–48.
23. *Acharyan R.* Complete Grammar of the Armenian Language in Comparison with 562 Languages. Vol. 4, part 2, Yer., 1961. P. 176.
24. *Jahukyan G.* Introduction to Armenian Dialectology. Yer., 1969. P. 106.

A STUDY OF THE DEVELOPMENT OF STRUCTURAL FORMS OF THE PRESENT TENSE IN ARMENIAN

G. Gevorgyan

Russian-Armenian University

Institute of Linguistics, National Academy of Sciences of Armenia

ABSTRACT

The article examines the structural models of the present tense of the Indicative mood in the Armenian language in their historical development. The main stages of the evolution of Present tense forms from Classical Armenian to modern dialects are identified. It is shown that the formation of the Present tense was influenced by both internal grammatical transformations and areal factors. Particular attention is paid to the emergence of compound Present tense forms with the infinitive, the particle **ku**, and participial forms with the affixes **Um**, **Lis** in Armenian dialects.

Keywords: Armenian language, Present tense, historical grammar, analytical forms, etymology.